

Сергей КИРИЛЛОВ

ВЗРЫВ

День не задался с самого утра. Сначала, опаздывая на автобус, Копылов влетел в большую лужу, споткнувшись о каменный бордюр тротуара; потом на первом же уроке пропорол отвёрткой палец, пытаясь завернуть закапризничавший винт, и в довершение всего, словно ушатом помоев, его облила «классная дама».

«Опять вашей старосты на уроке не было, Семён Васильевич! — противно-скрипучим голосом вместо приветствия встретила она Копылова на перемене. — Вы уж, пожалуйста, примите меры. Она всё-таки староста группы, и какой плохой пример для остальных».

«Ладно-ладно, Ида Васильевна, — с трудом сдерживая раздражение, торопливо отпарировал Копылов, — я разберусь».

«Вашей старосты! — язвительно передразнил он преподавателя про себя. — Вот зануда! Как будто это моя староста. А сама на что? «Классная дама» называется... Тоже мне, светило педагогики!» Семён Васильевич чуть не сплюнул с горечи, но вовремя спохватился, что не на улице. «На моих уроках всегда все бывают, — думал он возбуждённо, — а если и нет кого, то я же и выясню, в чём дело, а не бегаю с воплями за помощью».

Раздражение ещё долго не утихало, и Семён Васильевич опять съехал в разгорячённых размышлениях на давнишнюю, не дававшую ему покоя мысль. «И что это за система такая?! — возмущался он, переваривая случившееся. — Преподаватель гораздо больше получает, в два раза больше отпуск имеет и ни за что не отвечает! Часы отвёл, двоек понавтыкал, подхватил портфельчик — и домой! А мастер за свои гроши, как проклятый, весь год и явку на уроки обеспечить, и двойки исправить с преподавателем договорись, и в общежитии порядок наведи, как будто там своих работников нет, да ещё и собственные уроки подготовь и проведи. И чтоб на высшем уровне! Знание (или незнание) теории — это дело десятое, за это ни с кого не спрашивают, а вот если ученик чего-то не умеет, тут уж спуску никакого. И опять стружку с мастера по полной форме! Чёрт знает что! И должность вроде бы яснее ясного — мастер производственного обучения — а на деле и пастух, и массовик-затейник, и пугало, и «доставала», ещё неизвестно что, и лишь где-то в последнюю очередь — учитель».

Коридор до учительской был длинным, и Копылов в полной мере испытал разъяряющее действие давно не дававшей покоя мысли. «Вот с какой стати, спрашивается, я должен сейчас выяснять — почему старосты группы не было на уроке эстетики? У меня у самого урок! Или «Иваси» случайная прохожая в этом доме? А кто умные речи на педсоветах толкает да своей эрудицией похвается? У-у-у...»

«Классная» его группы была весьма своеобразной и капризной дамой. Худая, с узким сухим лицом, похожим на селёдку, она быстро получила у ребят прозвище «Иваси»: и по внешнему сходству, и по первым буквам имени-отчества. Преподавала она в училище эстетику и при всяком удобном случае старалась подчеркнуть своё интеллигентно-благородное превосходство над коллегами-«технарями», за что её заслуженно недолюбливали и сторонились.

«Вот взяла бы да и сходила в общагу, коль такая умная, — никак не мог остыть Копылов. — Поговорила бы там с кем надо да и выяснила бы что к чему. А то как Макаренко цитировать, так первая, а как уроком своим заинтересовать, чтобы ходили — кишка тонка».

«Семён Васильевич! — прервал его размышления вышедший из кабинета завуч. — В десять-тридцать лекция преподавателя из пединститута. Вы не забыли?»

«Помню-помню», — ещё не погасив накопившееся раздражение, ответил Копылов.

«Ну вот, — подумал тут же, — и когда теперь в общагу? Эта лекция наверняка на час, не меньше, а пока то да сё — в общежитие дай Бог к двенадцати добраться. Но что же всё-таки с Синицкой? Почему её опять нет?»

...Лектор — пожилой благообразный старичок с бородкой клинышком — говорил очень толково, но немного скучновато, и монотонность его на кого-то нагоняла сон, а кого-то, наоборот, загоняла в свои мысли. Копылов был из числа вторых, и как только «старичок» после бойкого вступления перешёл к заученно-магнитофонной главной части, Семён Васильевич оседлал беспокоивший его вопрос о старосте.

Вера Синицкая — бойкая круглолицая деваха — выделялась из группы своих сверстников с первых же дней. Ещё при знакомстве, когда ни мастер, ни ученики ещё и не знали друг друга, она прямо на глазах у всех отчаянно бросилась отвоёвывать понравившейся стул, бесцеремонно расталкивая всех, кто стоял на её пути. И отвоевала! Не прошло и недели, как одной из своих подруг она решительно пообещала расквасить нос, если та не перестанет «кадрить» её парня. А когда в колхозе, куда вся группа выехала на недельную уборку картошки, местные «дон-жуаны» попробовали петь перед окнами свои непристойные серенады, мешая всем спать, она одна выскочила в темноту и пообещала наутро «разобраться» со всяким, кто ещё хотя бы раз раззявит свой «хлебник». В посёлке, откуда она приехала, все облегчённо вздохнули, как вскоре выяснил Копылов, узнав, что местная атаманша на целый год оставит их в покое, а местный участковый обрадованно воскликнул, что хоть один отпуск он нормально отдохнёт. Сам же Копылов, увидя в рядах своих учеников эту ходячую бомбу, в первый момент растерялся. И не от того, что Синицкая как-то дерзко себя с ним повела — нет, а от того, что сам он не знал, как себя с ней вести, потому что понимал: ничто в группе не произойдёт и не будет сделано без её ведома и благословения. И вдруг его осенило: а что если эту «бомбу» да старостой группы? Она ведь сама-то абсолютно этого не ожидает и привыкла всегда и во всём встречать «в штыки» любую власть. А если её самой сделать властью? «Рискованно, конечно, — рассуждал он в сентябре, — все привыкли к стандарту: староста — значит образец поведения, степенности, учёбы — словом, всем пример. А тут этого разбойника... вернее, разбойницу...» Но где-то интуитивно Семён Васильевич чувствовал, что он прав, что надо рискнуть, поверить, вернее, доверить.

«В конце концов, чем я рискую? — думал он осенью. — Не получится — сниму! И формулировку, что не справилась...»

И решился. Поговорил осторожно с ребятами, внедрил незаметно в них свою мысль, и дело повернулось так, что когда устроили на собрании голосование, которое Копылов всегда делал тайным, то в 29-ти бумажках из 30-ти значилась фамилия Синицкой и лишь в одной Ивана Камолова — степенного в годах парня с армейской службой и рабочим стажем за плечами. Понятно было, что автор этой единственной бумажки — сама Синицкая. И когда Копылов развернул все «бюллетени» да огласил итог голосования, никто этому не удивился. Никто, кроме самой Синицкой. Она сидела, растерянно вытянув шею, во все стороны поворачивала головой и пыталась понять — что же произошло? Не подвох ли это какой? Но подвоха не было, и когда мастер объявил, что все свободны, кроме избранного актива, Синицкая как-то вся вжалась в стол, за которым сидела, словно бы её придавили чем-то сверху, и груз этот нельзя было сбросить, чтоб его не разбить.

«А что же мне теперь делать?» — растерянно спросила она учителя, когда очередь в разговоре с активом дошла и до неё.

«Учиться! — приветливо улыбаясь, ответил ей Копылов. — Учиться, Вера, и учиться так же хорошо, как ты это начала. И немножко помочь мне».

«Но в чём, Семён Васильевич?! — воскликнула девушка. — Что я могу?»

«Очень многое, Вера, — продолжал мастер, — а главное — быть лидером всех. Это лучшее твоё качество, и ты проявляешь его без всяких усилий. Естественно, как дышишь, и ребята это заметили. Потому и выбрали».

Вера опустила глаза и замотала головой. Видно было, что, привыкшая к школьным стереотипам, такого поворота она никак не ожидала, и первый положительный эффект от выборов превзошёл все ожидания.

«Всё очень просто, Вера, — продолжал Копылов. — Вот тебе для начала пачка «рапортичек», и каждое утро на линейке ты напиши в одной из них, сколько человек присутствует, а сколько — нет. И причину отсутствия, если знаешь. Понятно?»

«Понятно! — повеселела девушка. — А ещё что?» — мало-помалу начала она входить в привычное состояние лидера.

«А там будет видно, Вера, — снова улыбаясь, ответил Семён Васильевич. — Как говорится: будет день — будет и пища!»

«Творческое наследие Макаренко, — долетело до слуха Копылова, — ценно не только само по себе; его ценность многократно возрастает в наших глазах потому, что все свои новаторские приёмы он проверил в деле. На своих учениках...»

Семён Васильевич оглянулся; аудитория напряжённо молчала. Некоторые что-то записывали в рабочих тетрадях, большинство застыли то ли в дремоте, то ли в своих размышлениях, перемалывая творчество классика. На некоторое время Копылов внимательно прислушался к речи лектора. Тот решил посвятить своё выступление двум, с его точки зрения, наиболее сильным приёмам из арсенала великого педагога: доверию и взрыву.

«Поверить в человека, — пафосно восклицал «старичок», — это значит разбудить

к жизни его скрытые возможности. Поднять вверх те спящие силы, о которых и сам человек не подозревает. Изумительнейший пример такого человеческого перевоплощения...»

Сознание Копылова опять начало давать сбои, до слуха долетали только обрывки рассказа о колонисте, которому было доверено то ли получить большую сумму денег, то ли, наоборот, отдать... а он был закоренелым вором...

«А Синицкая тоже была вором, — вспомнил он рассказ школьной учительницы Веры, услышанный в посёлке, куда он специально поехал для того, чтобы узнать о своей воспитаннице побольше. — В спортзале на тренировке её сверстницы в раздевалке переоделись, и пока занимались, Вера их и почистила. Многие домой в трико ушли. Толково всё было обтяпано, еле нашли виновника, да и то случайно».

«А ведь и не подумаешь на неё, если не знаешь, — продолжал размышлять Копылов. — За весь год в училище ни одного прогула, ни одного замечания по дисциплине, в журнале только 4 и 5!»

Семён Васильевич с удовольствием вспомнил, как дружно катили они всей группой тяжёлые колёса от старого автобуса, о сдаче которых в металлолом договорилась с транспортниками Синицкая. Как украшали комнаты на Новый год и стали победителями училищного конкурса, как пели на концерте, душой которого опять же стала Вера...

«Что же всё-таки с ней опять произошло?» — не давала покоя одна и та же мысль.

Копылов подспудно боялся перемен в своей ученице. Он понимал, что буйная прошлая жизнь, как вода на плотину, давит на Веру сегодняшнюю и при малейшей оплошности может всё разрушить. Боялся и, как мог, оберегал девушку от беды. Старался отвлечь то в спортзал, который сам любил до самозабвения, то в фотолабораторию, то заинтересовать техникой, в которой был согласен копать часами. Это удавалось, интерес старосты к его увлечениям был искренним, у неё многое получалось, и учебный год благополучно катился к завершению.

«Одним из наиболее сильных и острых методов воздействия на психику воспитанника, считал Макаренко, является метод взрыва, — вклинился в размышления Копылова титулованный лектор. — Взрыв — это высшая форма протеста воспитателя против негативного поведения воспитанника...»

«Хотел бы я на тебя посмотреть, попади ты под взрыв такой «бомбы», как Синицкая!» — мысленно откликнулся на него Копылов.

Ему вспомнилось, как на 8-е Марта Вера уговаривала «классную даму» дать в общежитие магнитофон из её учебного кабинета, чтобы послушать музыку и потанцевать. Как пожилая «старая дева» долго и нудно выговаривала, что в общежитии непременно сломают дорогую вещь, что всё испортят, что... Как стойчески терпела всё это староста, потому что не было другого выхода. Как разрешение, наконец, было выдвинуто из тонких губ «Иваси», словно засохшие остатки пасты из старого тюбика с нотационной присказкой: «Но под вашу личную ответственность, Семён Васильевич!» Как уже после этого Вера плюнула на всё это и взяла магнитофон в прокате, дабы не подставлять мастера, и каким это всё закончилось скандалом. На другой день их «классная» обнаружила отсутствие какой-то ручки, которая якобы была на магнитофоне, и закатила такую истерику, что никакие доводы не могли её остановить. И тогда Вера взорвалась!

«Разуйте глаза! — не церемонясь, угрожающе процедила она своей учительнице этики и эстетики. — На вашем дерьмовом магнитофоне слой пыли, который не увидит только слепой. Если бы мы прикоснулись к нему хотя бы пальцем, то в первую очередь вытерли бы его. Но мы не сделали даже этого, чтобы не дать вам никакого повода открыть ваш поганый рот!»

Глаза «Иваси» испуганно выкатились, изумлённый рот округлился, как у рыбы, она попятилась, загоразиваясь руками от наседавшей ученицы, не в силах выдавить ни слова.

«И не смейте спихивать свои проблемы на Семёна Васильевича! — яростно наседала на неё расвирепевшая староста. — Вы и мизинца его не стойте!»

«Вера! — первым опомнился Копылов. — Остановись!»

Он подбежал к своей ученице сзади, схватил её за руку, развернул и, обхватив за плечи, решительно увлёк к выходу. Не мешкая, они спустились на этаж ниже и долго прерывисто дышали, закрывшись в мастерской и соединённые неразмыкаемыми объятиями Копылова. Семён Васильевич боялся тогда, что вот он — критический момент; масса негативной энергии прорвала тщательно возводимую им в сознании девушки преграду её отрицательным чертам, и теперь они проявят себя со всей силой. Но, к счастью, он ошибся; прорыва тогда не произошло, и, размышляя сейчас об этом ЧП, Копылов приходил к выводу, что очень кстати применил он тогда такой «запретный» приём, как прогулку по училищу в обнимку со своей ученицей.

«Взрыв нельзя спланировать или подготовить, — монотонно вещал «старичок».

— Это мощный всплеск предельно концентрированной энергии, выраженный прежде всего в абсолютно непредсказуемых поступках воспитателя, совершаемых спонтанно, которые поэтому и дают положительный эффект. Но этот эффект возможен только в том случае, когда все иные методы воздействия на ученика исчерпаны, а сам воспитатель имеет высокий авторитет у воспитанника...»

«Интересно, а что бы она тогда сделала с «классной», если бы я её не остановил? — подумал Копылов о Синецкой. — А ведь могла и ударить, скажи «Иваси» ещё хоть слово...»

Семёну Васильевичу вспомнилась их сегодняшняя встреча, когда «классная» с видимым удовольствием подпустила яду в своё извещение об отсутствии старосты. Какой-то особенный смысл теперь почудился ему в словах «ваша староста...» — и мастер снова стал гадать о причинах её отсутствия.

Прорыв, которого он так боялся, произошёл недавно и, казалось бы, на ровном месте. Как только тёплое апрельское солнышко растопило остатки рыхлого снега и выгнало первую зелёную травку, Синецкая «сорвалась в штопор». Так лётчики называют неуправляемое падение самолёта, из которого очень трудно выйти. Вот так и Вера: её загулы стали столь буйными, что не заметить их было просто невозможно. Сначала она возвращалась в общежитие за полночь, но на уроках присутствовала всегда. Потом она стала исчезать с занятий после обеда, и никто не знал, где она. Потом в компании со столь же «романтичной» подружкой они вообще исчезли из поля зрения работников общежития, появляясь там лишь наскоком. Копылов вычислил их убежище и добился возвращения в общежитие, но Веру уже было не остановить: пропуски, двойки, запущенная работа, и вот опять нет на уроке...

Порезанный утром палец надоедливо саднил, мешая сосредоточиться. «Чёрт бы её дёрнул, эту Синецкую! — раздражённо поморщился Копылов. — Неужто нельзя как-то по-человечески? Ведь все же молодые, и на всех весна действует. А теперь попробуй-ка объяснить всем, что это нельзя, если самой старосте можно! Что ж тогда делать остальным?»

...«Старичок», как классный лектор, умолк ровно через 45 минут. Аудитория не спешила расходиться, окружив начитанного профессора, но Копылов, не задерживаясь, заторопился в общежитие.

Дверь в комнату его группы была слегка приоткрыта, и, ещё не заходя вовнутрь, Семён Васильевич заметил, что две кровати из шести не пусты. «Ну, заразы!» — с негодованием подумал он и резко распахнул дверь. Одна из спящих сонно оторвала голову от подушки и, заметив мастера, испуганно замерла. Вторая же, никак не реагируя, лежала на животе, укрывшись с головой.

«Подъём!» — рявкнул Копылов, подходя к кровати спящей.

Её подруга сначала хотела повиноваться резкой команде, но, смутившись, только слегка приподнялась, натянув одеяло к подбородку. Вторая же не отреагировала на окрик никак. И тогда Копылов рванул одеяло... Его взору открылась знакомая круглолицая голова старосты, укрытая длинными взлохмаченными волосами, на секунду взгляд остановился на красивых полных руках девушки, обнимавших подушку, и в следующее мгновение одна из рук сонно потянулась за одеялом, а полуповёрнутое к мастеру лицо недовольно пробурчало:

«Пшёл вон, дурак!»

Всё, что произошло дальше, Семён Васильевич никогда бы не смог ни объяснить, ни повторить. Его словно «вырубили» из окружающего мира, все ощущения разом отключились, и только глаза зацепились за старый берёзовый веник у выхода. Такие веники дворники называют «голиками», потому что мести двор (или пол) там уже нечем: прутья стёрлись напрочь, и осталась только одна массивная ручка, в нескольких местах туго перевязанная бечевой. Копылов схватил этот «голик» за истёртые концы прутьев, подскочил обратно к кровати старосты и, совершенно не осознавая того, что делает, со всего маху вытянул ручкой «голика» по тому месту одеяла, которое наиболее пышно оттопыривалось. Синецкая мгновенно обернулась, приподнялась на локте, и в её взгляде Копылов успел прочесть бешеную ярость и негодование. Но ситуация уже вышла из-под контроля, и в следующую секунду мастер, резко развернув свою ученицу обратно на живот, начал рассыпать непрерывные удары «голиком» всё по тому же встопорченному под одеялом месту. Подруга Веры, вскрикнув от ужаса, вскочила с кровати и, завернувшись в одеяло, опрометью бросилась в коридор. Сама же староста, только приподняв голову, смотрела немигающими глазами на Копылова и не издавала ни звука.

«Как?! — говорил её изумлённый взгляд. — Меня — веником?! И кто? Какой-то посторонний мужик?!» Она несколько раз попыталась повернуться хотя бы на бок, но Копылов всякий раз резко разворачивал её в первоначальное положение и продолжал остервенело хлестать «голиком» всё по тому же мягкому месту, словно парильщик в

бане. От ударов лопнули все вязки на ручке, один за другим разлетелись по комнате прутья, и когда в руках Копылова не осталось ничего, он угрожающе-ледяным тоном, тихо, с медленной расстановкой проговорил:

«Если через пять минут вы обе не будете готовы к занятиям, я поднимусь со вторым венником!»

После вспышки гнева внутри всё клокотало, как в самоваре, но мозг работал удивительно расчётливо и быстро. Оказавшись на улице, Копылов первым делом заглянул в угол, где дворники оставляли свой инвентарь, выбрал ещё один «голик» и стал ждать у выхода из общежития. Через три минуты мимо него с конспектами в руках пулей пронеслись две подружки, на ходу застёгивая пуговицы и поправляя волосы.

...Все последующие несколько дней мастер и ученица старались как бы не замечать друг друга: Вера молча исполняла свои минимальные обязанности, Семён Васильевич делал вид, что ничего не произошло, но со старостой не общался никак. Странилась учителя и Вера, хотя загулы прекратила.

У Копылова было гадко и противно на душе. Гадко от того, что он вёл себя, как необузданный варнак — руки распустил, не придумав ничего лучше. Но вместе с ощущением вины в сознании постоянно росло какое-то чувство протеста против этой вины, которое словно бы оправдывало его срыв. Семён Васильевич не мог с этим протестом примириться, но, даже чувствуя себя виноватым, не мог и заговорить с Верой первым.

Скоро подошла пора выпускных экзаменов, и все его ученики разъехались по домам в другие города и посёлки. Синицкая уехала незаметно, не попрощавшись, словно испарилась, и это внесло ещё большую сумятицу в душу Копылова. «Какой же я после этого педагог?! — терзал он себя, оставшись один на один со своими мыслями. — Как же я после такого срыва смогу общаться с учениками? Уходить! Нет, мне надо уходить!»

И через месяц-полтора мучительных размышлений положил на стол директора училища заявление об увольнении.

Его уволили не сразу. Директор несколько раз демонстративно рвала заявление, решительно добавляя при этом, что будет делать это столько раз, сколько будет поступать заявлений, но Копылов обратился за помощью к юристу, и в разгар вновь наступившего сентября (а заодно и нового набора, который он страшно боялся начинать и потому сторонился своих новых учеников, ибо знал, что стоит только ему хотя бы раз взглянуть им в глаза, и он уже никуда больше от них не уйдёт) он получил-таки расчёт.

...Прошло три месяца. Копылов устроился на работу стрелочником на железнодорожную станцию с намерением как можно меньше иметь контакта с людьми и как можно больше оставаться наедине с самим собой. Это удалось ему сполна, и пережитое потрясение стало мало-помалу забываться. Приближался очередной Новый год, в природе полновластвовала настоящая зима, и предпраздничные да хозяйственные хлопоты в итоге поглотили в себя всё.

Но вот однажды, поздно вечером возвратясь с очередной 12-часовой смены, Семён Васильевич узнал от своих маленьких дочерей, что его спрашивала какая-то тётя.

«Что за тётя?» — поинтересовался он.

«Не знаем, — был ему ответ, — но она обещала зайти ещё».

Копылов недоумённо пожал плечами и уселся за ужин, полагая, что в десятом часу вечера его вряд ли ещё кто спросит. Но в дверь вскоре постучали, и на пороге появилась статная молодая женщина. Она вежливо поздоровалась со всеми и, ответив на приглашение, шагнула в комнату. На ней была высокая, на манер боярской, пышная меховая шапка, закрывавшая верхнюю половину лица, и столь же пышная роскошная шуба, в воротнике которой утопали щёки и подбородок. Копылов растерянно уставился на вошедшую, натужно пытаясь вспомнить, видел ли он её ещё хотя бы раз в своей жизни.

«Вы меня не узнаете, Семён Васильевич?» — слышанные когда-то нотки промелькнули в голосе гостьи, и Копылов ещё больше растерялся.

«Н-н-нет...» — растерянно замотал он головой.

«Я — Вера», — продолжала она, улыбаясь.

«Вера? — отозвался Семён Васильевич. — Какая Вера?»

«Вера Синицкая!»

Копылову показалось, что его прихлопнули потолком. Перемены в его бывшей ученице были столь разительны, что их трудно было себе вообразить. Всего за какие-то полгода она изменилась до неузнаваемости.

«Я заходила в училище, — очевидно, заметив полное смятение Копылова и извиняясь за столь поздний визит, заговорила Вера, — мне сказали, что вы уволились, и я решила побеспокоить вас дома».

«Да нет!.. — воскликнул Семён Васильевич. — Какое беспокойство...»

Он бестолково засуетился, предлагая гостье сесть, потом вспомнил про ужин, ко-

торый прервал, и предложил разделить с ним компанию. Вера вежливо отказалась, сославшись на нехватку времени до автобуса.

«Я провожу...» — у Копылова чуть не вырвалось «вас», настолько его потрясла перемена, происшедшая с его ученицей, хотя он всегда был с ней на ты. Он подхватился из-за стола, быстро оделся, и они вышли на улицу.

До вокзала было недалеко, но они шли медленно, и Вера успела рассказать о себе всё. Что хорошо устроилась с работой, что получила жильё, что вышла замуж, что муж исключительно добрый и очень любит, что они ждут первенца, что, в общем, всё в жизни сложилось просто замечательно. Копылов слушал её молча, почти не перебивая, и внутренне радовался за свою ученицу. Радовался за то, прежде всего, что так удачно начинается её самостоятельная жизнь. А ведь как ужасно всё было: мать — пьяница и гуляка, отец бросил, жила у бабушки на её скудную пенсию и, по сути, не видела детства.

«Я очень рад... Вера, — Копылов опять не смог выговорить «за тебя». — Я очень-очень рад, — повторил ещё раз, — что... у тебя... — выжал, наконец, невыговариваемое слово, — что у тебя всё так прекрасно сложилось. Дай Бог, чтоб так было и дальше».

Они подошли к остановке, на которой стоял рейсовый автобус, и замолчали. Под ногами поскрипывал свежий снежок, пассажиры уже заняли свои места, пора было прощаться.

«Семён Васильевич, — как-то глуховато проговорила Вера, — а ведь я не за тем к вам приехала, чтоб рассказать о себе».

Её голова опустилась, окончательно скрыв лицо, и Копылов весь внутренне напрягся. Мгновение — молодая женщина вскинулась и решительно выдохнула:

«Я больше не могу, Семён Васильевич. Я больше не могу терпеть эту муку — простите меня...»

Она снова опустила голову и тяжело задышала. Копылов ошарашенно молчал, не зная, что делать.

«Простите меня! — через мгновение опять подняла умоляющие глаза Вера. — Простите меня, ради Бога, что я вас тогда так довела!»

«В отличие от взрыва в пиротехнике, который характерен мгновенным и разрушительным результатом, взрыв в педагогике может иметь весьма отдалённые и положительные последствия, — зажурчал из глубин памяти Копылова голос старичка-профессора. — Поскольку он сотрясает психику воспитанника до основания, заставляя в корне переоценить свои поступки и своё отношение к окружающему миру, на это уходит время. Поэтому последствия эти проявляются не сразу...»

Семён Васильевич стоял потрясённый. У него самого всё это время рвало душу сомнение, грызло ощущение вины и горечи, горечи, горечи... Как же он так?! «Голиком» да отдубасил человека! И кого? Молодую девушку, собственную ученицу! Как он мог?!

«Это ты меня прости, Вера, — покаянно опустил он свою голову. — Никого в жизни так не бил, даже в мыслях. До сих пор в душе покоя нет».

«Зато толк есть, Семён Васильевич! — засмеялась Вера. — Меня ведь тоже никто в жизни никогда не драл, да тем более так остервенело. Матери некогда, а бабушка сначала обидеть боялась, пока я маленькая была, а потом уж сдачи стала бояться получить, когда я выросла. Вот меня и прошибло до самых мозгов с одного разу. Весь мир вокруг как будто с ног на голову перевернулся и другим стал. Это ведь я только сначала на вас обиду затаила. Хотя страху, если честно, ещё больше было: так ведь и голову оторвёт — думала. А сейчас у меня всё так прекрасно! Лучше, чем в самой доброй сказке. И страшно подумать, что бы могло быть в моей жизни, если бы не вы!»

Автобус фыркнул, выбросив в темноту облачко дыма, и Вера ступила на подножку.

«Будто камень с души свалился, — успела добавить она, прощаясь. — Спасибо вам, Семён Васильевич, за всё, за всё, за всё! И возвращайтесь скорей в училище. Ваше место там...»

Створки дверцы захлопнулись, и автобус медленно отошёл от остановки. Ещё несколько мгновений — и он растворился во мраке позднего декабрьского вечера. Падал лёгкий снежок, заканчивался год, который явно стоило прожить уже только для того, чтобы стать свидетелем столь мощнейшего потрясения человеческой души. И не только свидетелем.

PS. Прошёл год. За это время училище, в котором работал Копылов, разрушили до основания, а сам Семён Васильевич, стремительно пройдя несколько ступенек карьерной лестницы, был назначен начальником смены железнодорожного узла, получив под своё начало целый коллектив людей. Правда, теперь уже взрослых.*

* Прим. автора: в этой истории изменены только имена и фамилии.